

Долина Завершения

Мадара замер, ошеломленный внезапным холодом в груди, который, словно лед, распространился по его венам.

Он слабо ухватился за лезвие, которое прошло сквозь его сердце. Значит, у него всё ещё было достаточно чакры для древесного клона... Проклятый монстр. Когда его зрение начало тускнеть, он собрал то небольшое, что осталось от дыхания.

— Ты изменился, Хаширама... У тебя обратные приоритеты, — задыхался он, падая на колени.
— Когда-нибудь это приведет деревню во тьму.

Хаширама не произнес больше ни слова. С бесстрастным лицом он держал меч до тех пор, пока не почувствовал, что на него полностью опирается вес обмякшего туловища Мадары. Он ослабил хватку на рукояти, печаль вырезалась на его чертах, когда он смотрел, как труп Мадары рухнул на его сторону.

Руки Учихи все еще были бесполезно сжаты вокруг клинка в его груди. Его глаза, в которых теперь не было светящейся красной радужки Вечного Мангекьё Шарингана, пусто смотрели в пространство; они оставались широко открытыми в знак неповиновения до самого конца.

Хаширама не стал доставать свой клинок. Нет, с этим мечом было связано слишком много воспоминаний. Кровь и мечты бесчисленных жертв на протяжении всей гражданской войны, длившейся десятилетиями, прилипли к нему, как миазмы.

Хокаге повернулся и медленно, пошатываясь, пошел обратно в сторону деревни. Его меч, повидавший слишком много смертей и разрушений, обретет свое последнее пристанище, похороненный в сердце его лучшего друга. Такому оружию не было места в грядущей эре мира, которую он себе представлял. Он посмотрел вверх и вокруг себя. Весь огонь и горящие дрова от их столкновения оставили на земле уродливый шрам. Когда он начал обратный путь, в небе раздался раскат грома и сверкнула молния.

— Где... все пошло не так, Мадара? — прошептал он в ночь, когда начался дождь.

Его глаза жгло и мутнело, но он отказывался плакать. Он должен был продолжать двигаться вперед; путь к миру и процветанию не мог начаться со слез и траура. Он должен был праздновать жизнь Мадары, а не оплакивать его смерть. Возможно, это был способ Мадары дать ему возможность, чтобы он мог жить дальше в Конохе?

При этой мысли в уголках губ Хаширамы заиграла искренняя улыбка. Жертва Мадары наконец-то сделала их общую мечту реальностью. Это было начало новой эры шиноби.

* * *

Некоторое время спустя

Мадара проснулся как в тумане. Он попытался встать, но понял, что уже стоит. Шел дождь, но он не чувствовал себя промокшим.

Нахмурившись, он сделал несколько шагов вперед, с беспокойством отметив, что его ноги не погружаются в мокрую грязь под ними. Странно, подумал он, разгибая пальцы и отмечая, насколько легким и онемевшим кажется его тело. И тут его осенило. Хаширама! Вот ублюдок!

Он просканировал свое ближайшее окружение. Не потребовалось много времени, чтобы заметить очень знакомый комплект красно-черных доспехов, полузатопленных в грязи. Нет. Не доспехи. А тело. Мое тело... Значит, я все-таки вовремя активировал Изанаги. Я не помню, как активировал дзюцу.

Его взгляд упал на меч Хаширамы, воткнутый в заднюю часть его доспехов.

Когда он потянулся за ним, одновременно произошли две вещи, от которых у Мадары заныло в животе. Его рука прошла через рукоять меча Хаширамы, и, когда он шагнул вперед, чтобы восстановить равновесие, он услышал звук звенящих цепей, исходящий от его туловища.

Он посмотрел вниз, и увидел, что с его груди свисает короткая металлическая цепь, похоже, прикрученная к шестиугольной пластине.

Моя смерть должна быть переписана. Мой труп должен был раствориться, когда Изанаги был активирован. Что здесь происходит? Мадара снова потянулся к рукояти, и снова его рука прошла сквозь нее.

Теперь он подозревал правду, но не хотел в нее верить. Он потянулся к цепи, прикрепленной к руке, и дернул за неё. Толчок боли пронзил его тело, и он зарычал от этого ощущения.

Нет... подумал он. Он снова дернул за цепь с большей силой, приготовившись к боли, но на этот раз она была бесконечно более сильной. Это не было похоже ни на что, что он чувствовал раньше, - обжигающая агония, пронзившая его душу сильнее, чем даже клинок Хаширамы.

— Нет! — прорычал он. — Я использовал Изанаги! Я спланировал это. Я не могу быть мертв! — Он закрыл левый глаз и огляделся. Его зрение было ясным. Он закрыл правый. Всё так же ясно. Для Изанаги требовалось принести в жертву глаз Шарингана. Если бы он мог видеть ясно, то... Мадара направил свою чакру и активировал свой Шаринган.

В тот же миг он без тени сомнения понял, что на самом деле умер. Он не почувствовал вспышки точек чакры и не обнаружил никаких изменений в своём зрении.

<http://tl.rulate.ru/book/110027/4117030>